

Петр Николаевич Краснов

Всевеликое войско Донское

Петр Николаевич Краснов

Всевеликое войско Донское

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175823

Аннотация

В 2008 году исполняется 90 лет со дня начала геноцида казачества. В 1918 г. по инициативе Якова Свердлова коммунистический режим приступил к реализации планов т. н. «расказачивания», вызвавшего восстание донских казаков против Советской власти. В этой борьбе казачество понесло неисчислимые жертвы. О том, как донские казаки боролись против красного террора, книга атамана Всевеликого Войска Донского Петра Николаевича Краснова.

Содержание

Глава I	4
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	20
Глава V	26
Глава VI	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Петр Николаевич Краснов Всевеликое войско Донское

Глава I

Работа «Круга спасения Дона». Состав Круга и его настроение. Выборы Донского атамана. Основные законы, предложенные Донским атаманом. Отношение к ним общества и генерала Деникина

Общее собрание членов временного донского правительства и делегатов от станиц и войсковых частей в заседании 28 апреля в заседании Судебных установлений в Новочеркасске, «признавая число присутствующих в настоящем собрании делегатов от войсковых частей и станиц, принявших участие в изгнании из Донской области советских войск, достаточным, постановило объявить настоящее собрание „Кругом спасения Дона“».¹

В нем было 130 членов. Это было едва ли не самое народное или демократическое собрание, какое когда-либо бывало. Круг называли серым. В нем не было интеллигенции. Трусливая интеллигенция сидела в эту пору по подвалам и погребам, тряслась за свою жизнь или подличала перед комиссарами, записываясь на службу в советы и стараясь устроиться в более или менее невинных учреждениях – по народному образованию, по продовольствию или по финансовой части. Ей было не до выборов в такое смутное время, когда и выборщики и выбранные играли своими головами. Круг собирался без партийной борьбы. Было не до партий. В Круг выбирали и на Круг были выбраны исключительно казаки, которые страстно желали спасти родной Дон и для этого готовы были и жизнь свою сложить за него. И полагали жизнь, потому что большинство выборщиков, послав своих делегатов, сами разобрали оружие и пошли спасать Дон.

И потому название – «Круг спасения Дона» – было им как нельзя более к лицу.

Круг не имел политической физиономии, и потому в нем не было и не могло быть политической борьбы. Этот *серый* Круг имел одну цель – спасти Дон от большевиков, спасти во что бы то ни стало и какую бы то ни было ценой.

Он был истинно народным и потому коротким, мудрым и деловым в своих заседаниях и решениях. Он коротко и просто сказал, что хочет Дон теперь: *порядка*.

Что будет в России и какова она будет, он не думал. Это не его дело и не потому не его дело, что он отшатнулся от России, а потому, что он чувствовал себя слишком маленьким и ничтожным, чтобы затрагивать такие большие вопросы. Круг искал людей для того, чтобы вручить им власть, и, ища таковых, он не спрашивал, какой они партии, но интересовался их прошлым, что делали и что умеют делать. На нем не было партий и лидеров этих партий, но весь Круг прислушивался к мнению тех людей, которых знал и которым верил. Такими людьми были председатель Круга есаул Г. П. Янов и командующий Южной группой полковник Денисов. Им Круг верил безусловно, потому что видел, что они любят Дон и готовы за Дон отдать и самую душу свою.

¹ Постановления «Круга спасения Дона». 28 апреля по 5 мая 1918 года. Новочеркасск. (Здесь и далее примечания автора.)

«Круг спасения Дона» отлично понимал, что он не может говорить от имени всего Войска, потому что далеко не от всех станиц были на нем представители. Он взял на себя лишь подготовительную работу до освобождения всего Войска от большевиков и возможности созвать правомочный Круг, которому тогда и вручить всю власть. А пока единственная цель: спасти Дон.

И этот серый, то есть истинно демократический Круг, разумом народным и спас Дон. К 15 августа 1918 года, ко времени созыва полного Войскового Круга, большевиков не было на донской земле, и не вмешайся в дела Войска генерал Деникин и союзники, может быть, и сейчас Войско Донское существовало бы на тех же основаниях, как существует Эстония, Финляндия, Грузия, – существовало отдельно от *советской* России.

Конечно, вопрос об отношении к немцам и к Украине был в данное время самым острым вопросом, и в заседании 29 апреля Круг постановил утвердить избранное временным донским правительством полномочное посольство на Украину в составе М. А. Горчукова, И. Т. Семенова, полковника Гущина и генерал-майора Сидорина. «Посольству этому поручить командироваться в город Киев для выяснения отношений к Дону самой Украины и осведомления о целях вступления германских войск на территорию Донской области, а также твердо отстаивать существующие ныне границы области, ее независимость и самобытность казачества».²

Круг повел этот деликатный вопрос хитро, по-народному. Он не признал Украины, он не признал и немцев, хотя и сознавал, что без них он не сидел бы в Новочеркасске, и членами посольства он избрал именно тех людей, которые больше всего кричали о ненависти к немцам и о вечной преданности союзникам. Эти-то люди уже не выдадут и не продадут. Здесь Круг именно и ошибся, но и ошибся правильно. Он мог загубить все дело, испортить совершенно отношения с Украиной и немцами, но он для этого потом и избрал атамана, который все это должен был исправить, а сам сохранил свое лицо, национальную гордость, и на суд истории и грядущих союзников Войско Донское явилось непоколебимо верным союзникам и ненавидящим немцев.

В том же заседании Круг поставил вопрос «об организации на Дону постоянной армии, упорядочении казачьих сил, поднявшихся для борьбы с большевиками, и об установлении законов об организации армии и установлении в ней дисциплины».³

То, вокруг да около чего топтался почти целый год атаман Каледин с войсковым правительством и Малым Кругом, составленным из интеллигентных болтунов, народный «Круг спасения Дона» вырешил на втором же заседании. Он точно и определенно сказал, что Дону нужна настоящая армия, а не партизаны, добровольцы или дружинники, армия *старого режима*, повинующаяся законам и строго дисциплинированная.

И еще армия эта не существовала, как уже генерал Деникин сделал попытку подчинить себе донские части и осуществить единое командование, как это сделал Корнилов в ауле Шенджи 14 марта с кубанскими казаками. На вопросы представителя Добровольческой армии, кто должен фактически командовать военными силами Добровольческой армии и донскими воинскими силами и каково отношение Дона к Украине и Германии, Круг ответил: «Верховное командование всеми без исключения военными силами, оперирующими на территории Донского войска, должно принадлежать Войсковому Атаману, или, как в данном случае, – Походному Атаману, и так как вопрос об отношениях к Украине и Германии еще не выяснен, то для выяснения этого вопроса временным правительством командируется в гор. Киев посольство от Войска Донского...»⁴

² Постановления «Круга спасения Дона». С. 3.

³ там же

⁴ Постановления «Круга спасения Дона». С.7.

Ответ этот не удовлетворил генерала Деникина. Планы генерала Деникина были иные. Он думал в лице донских казаков получить большие пополнения людьми и материальной частью, усилить Добровольческую армию, а не иметь рядом «союзную» армию. Когда этот ответ дошел до генерала Деникина, он решил лично переговорить об этом с донским атаманом.

Круг работал интенсивно. Заседания шли утром и вечером. Он торопился восстановить порядок и не боялся упреков в стремлении возвратиться к старому режиму.

Так, в заседании 1 мая Круг постановил: «В отличие от большевистских банд, которые никаких внешних знаков отличия не носят, всем частям, участвующим в защите Дона, немедленно принять свой воинский вид и одеть кому положено погоны и прочие знаки отличия».⁵

На вечернее заседание 1 мая Круг пригласил генерал-майора Краснова, как старшего по службе из донских генералов. Краснов был еще верховным главнокомандующим Корниловым назначен командующим 3-м кавалерийским корпусом. Круг просил его высказаться о современной политической обстановке. Генерала Краснова знали почти все члены Круга. Именно *серые* члены Круга его знали хорошо, потому что это были его сослуживцы. Тридцать лет служил генерал Краснов исключительно в строю с донскими казаками, и за эти тридцать лет много казаков было под его начальством и служило с ним то в Петербурге в гвардейском полку, то на границе Австрии, то на войне. Члены Круга знали генерала Краснова как молодого офицера, знали как полкового командира, как начальника дивизии и командира корпуса, они видели его в боях, привыкли верить ему и повиноваться ему, а главное – суеверно верили в его *счастье*, потому что не раз на войне он выходил победителем из очень сложных и тяжелых положений. Про него знали, что он любит и *жалеет* донских казаков, и каждый знает, что простой народ этому слову *жалеть* придает особенное значение.

Почти два часа говорил генерал Краснов о положении России. Напряженно, в гробовой тишине слушали его казаки. Он говорил о том, что Дон со времен царя Михаила Федоровича был неотъемлемой частью государства Российского, его губернией и управлялся из России ее министрами и потому своих органов управления, своих финансов, казны, своего войска никогда не имел. Он говорил о том, что Россия теперь поругана и опозорена большевиками, она разгромлена ими и лежит в обломках. Можно сказать, нет России. Дон стал совершенно одинок. Ему нужно – впредь до восстановления России – стать самостоятельным государством, завести свою казну, своих управляющих министерствами для того, чтобы каждый отдел народной жизни имел своего ответственного руководителя и ни в чем не было бы ущерба. Простым и ясным языком, доступным пониманию рядового казака, он рассказал, что должно делать какое министерство.

Он коснулся отношения к немцам. Воевать с ними казаки не могут, им остается постараться мирным путем удалить их с донской земли. Он говорил о необходимости тесного сотрудничества с Украиной и доблестной Добровольческой армией и об исторической задаче донцов спасти Москву от воров и насильников. Он советовал казакам потом не вмешиваться в дела русского государства и предоставить ему самому устроить свой образ правления, как ему будет угодно, а самим зажить тою вольною жизнью, когда тесно связанные с Московским царством донские казаки жили, управляемые своим Кругом и своим атаманом и когда обычной поговоркой их было: «Здравствуй царь в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону!»

⁵ там же, с. 8.

Круг постановил доклад генерала Краснова принять к сведению и выразить ему благодарность.⁶

На утреннем заседании Круга 3 мая по вопросу об организации областной власти «Круг спасения Дона», выразив общее желание избрать временно, до созыва Большого войскового Круга, войскового атамана, вынес принятую единогласно следующую резолюцию: «Впредь до созыва Большого войскового Круга, каковой должен быть созван в ближайшее время и, во всяком случае, не позже двух месяцев по окончании настоящей сессии „Круга спасения Дона“, вся полнота верховной власти в области принадлежит „Кругу спасения Дона“. На время прекращения работ „Круга спасения Дона“ вся полнота власти по управлению области и ведению борьбы с большевизмом принадлежит избранному Войсковому Атаману».⁷

На вечернем заседании того же числа были произведены закрытой баллотировкой выборы атамана. 107 голосами против 13 при 10 воздержавшихся на пост донского атамана был избран генерал-майор Краснов.

Генерал Краснов не принял этого избрания впредь до того, как Круг утвердит те основные законы, которые он считает нужным ввести в Войске Донском для того, чтобы иметь возможность исполнить задачи, поставленные ему «Кругом спасения Дона».

Законы эти были рассмотрены Кругом на утреннем заседании 4 мая.

Они представляли из себя почти полную копию основных законов Российской империи.

«Впредь до созыва Большого войскового Круга из представителей всех округов Войска Донского и полного успокоения Войска на всем его пространстве, государственный строй Всевеликого войска Донского и порядок правления основываются на следующих законах:

Об Атаманской власти.

1. Власть управления Войском во всем ее объеме принадлежит Войсковому Атаману в пределах всего Всевеликого войска Донского.

2. Атаман утверждает законы, и без его утверждения никакой закон не может иметь силы.

3. Атаман назначает как председателя совета управляющих отделами, так и самих управляющих отделами, которые являются ответственными перед Большим Кругом.

4. Атаман есть высший руководитель всех сношений Всевеликого войска Донского с иностранными государствами.

5. Атаман есть верховный вождь Донской армии и флота.

6. Атаман объявляет местности на военном, осадном или исключительном положении.

7. Атаману принадлежит помилование осужденных, смягчение наказаний и общее прощение совершивших преступные деяния с прекращением судебного против них преследования и освобождение их от суда и наказания, а также сложение казенных взысканий и дарование милости в случаях особых, когда сим не нарушаются ничьи огражденные законом интересы и гражданские права.

8. Атаман производит военных за отличие в делах против неприятеля в чины, назначает им награды и утверждает все назначения офицерских чинов, которые делаются по команде.

9. Приказы и распоряжения Атамана скрепляются председателем совета управляющих отделами или подлежащим управляющим отдела.

О вере.

10. Первенствующая в Всевеликом войске Донском есть вера христианская православная.

⁶ Постановления «Круга спасения Дона». С. 13.

⁷ там же

11. Все не принадлежащие к православной вере граждане Всевеликого войска пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной.

О правах и обязанностях казаков и граждан Всевеликого войска Донского.

12. Условия приобретения прав гражданства Всевеликого войска Донского, равно как и прав казачества, а также утрата их определяются законом.

13. Защита отечества есть священная обязанность каждого казака и гражданина Всевеликого войска Донского.

14. Казаки и граждане Войска обязаны платить установленные законом налоги и пошлины, а также отбывать повинности согласно постановлениям закона.

15. Никто не может подлежать преследованию за преступное деяние иначе, как в порядке, законом определенном.

16. Никто не может быть задержан под стражею иначе, как в случаях и в порядке, законом определенных.

17. Никто не может быть судим и наказан иначе, как за преступные деяния, предусмотренные действующими во время совершения их деяний уголовными законами.

18. Жилище каждого неприкосновенно. Производство в жилище без согласия его хозяина обыска или выемки допускается не иначе, как в случаях и в порядке, законом определенном.

19. Каждый донской казак и гражданин имеет право свободно избирать местожительство и занятия, приобретать и отчуждать имущество и беспрепятственно выезжать за пределы Войска.

20. Собственность неприкосновенна. Принудительное отчуждение недвижимых имуществ, когда это необходимо для какой-либо государственной или общественной пользы, допускается не иначе, как за соответствующее вознаграждение.

21. Донские казаки и граждане имеют право устраивать собрания в целях, не противных законам, мирно и без оружия.

22. Каждый может в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами.

23. Донские казаки и граждане имеют право образовывать общества и союзы в целях, не противных законам.

О законах.

24. Впредь до издания и обнародования новых законов Всевеликое войско Донское управляется на твердых основаниях Свода законов Российской империи, за исключением тех статей, которые настоящими основными законами отменяются.

25. Все воинские части как постоянной армии, так и временно вызываемые по мобилизации, руководствуются законами, уложениями и уставами, изданными в Российской империи до 25 февраля 1917 года.

26. Все декреты и иные законы, разновременно издававшиеся как Временным правительством, так и Советом народных комиссаров, отменяются.

27. Сила закона равно обязательна для всех без изъятия донских подданных и для иностранцев, в Всевеликом войске Донском пребывающих.

28. Законы, изданные специально для какой-либо местности или части населения, новым общим законом не отменяются, если в нем именно такой отмены нет.

29. Законы обнародуются во всеобщее сведение в установленном порядке и прежде обнародования в действие не проводятся.

30. По обнародовании закон получает обязательную силу с времени, назначенного для него в самом законе срока. В самом издаваемом законе может быть указано на обращение его до обнародования к исполнению по телеграфу, телефону или посредством нарочных.

31. Закон не может быть отменен иначе, как только силою закона. Поэтому до тех пор, пока новым законом положительно не отменен закон существующий, он сохраняет полную свою силу.

32. Никто не может отговариваться неведением закона, когда он обнародован установленным порядком.

33. Законы разрабатываются в соответствующих управлениях.

34. По одобрении советом управляющих законопроектов они представляются на утверждение Атаману.

35. Законы, касающиеся нескольких ведомств, представляются в совет управляющих по предварительному согласованию их заинтересованными управляющими.

36. Управляющим отделами предоставляется издавать распоряжения в развитие и разъяснение законов, причем все такие распоряжения подлежат предварительному одобрению совета управляющих.

О совете управляющих и самих управляющих отделами.

37. Направление и объединение действий отдельных ведомств по предметам, как законодательства, так и высшего государственного управления, возлагается на совет управляющих.

38. Управление делами совета управляющих возлагается на войскового секретаря и на подчиненную ему канцелярию.

39. Председатель совета управляющих и управляющие отвечают перед Атаманом, а потом по созыве Большого войскового Круга перед ним за общий ход войскового управления. Каждый из них в отдельности отвечает за свои действия и распоряжения.

40. За преступные по должности деяния председатель совета управляющих и управляющие подлежат гражданской и уголовной ответственности на основаниях, в законах определенных.

Об отделе финансов.

41. Отдел финансов есть высшее совещательное учреждение по делам войскового кредита и финансовой политики.

42. Отдел финансов состоит из председателя и членов, назначаемых Атаманом. Кроме того, в состав отдела входят на правах членов: председатель совета управляющих, управляющий финансами и войсковой контролер.

43. На отдел возлагается: 1) соображение времени и условий совершения войсковых займов; 2) обсуждение дел, касающихся войскового кредита, а также вопросов денежного обращения, и 3) предварительное, с особого каждый раз распоряжения Атамана, рассмотрение дел по финансовой части, подлежащих разрешению в законодательном порядке.

44. Суждения отдела представляются на усмотрение Атамана.

О войсковом суде.

45. Войсковой суд Всевеликого войска Донского является высшим защитником и хранителем закона и высшим судом на Дону по делам судебным и административным.

46. Суд публикует все законы и правительственные распоряжения и наблюдает за закономерностью их издания.

47. Председатель войскового суда и войсковые судьи назначаются Атаманом.

О донском флаге, гербе и гимне.

48. Три народности издревле живут на донской земле и составляют коренных граждан Донской области – донские казаки, калмыки и русские крестьяне. Национальными цветами их были: у донских казаков – синий, васильковый, у калмыков – желтый и у русских – алый. Донской флаг состоит из трех продольных полос равной ширины: синей, желтой и алой.

49. Восстанавливается старинная печать и герб Донского войска, изображающий нагого казака в папахе, при шашке, ружье и амуниции, сидящего верхом на бочке. Печать и герб этот употреблять во всех нужных случаях.

50. Народным гимном Всевеликого войска Донского объявляется „Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон“, который и исполнять во всех предусмотренных законом случаях».⁸

Этими законами вся власть из рук коллектива, каковым являлся Большой или Малый Круг, переходила в руки одного лица – атамана. Перед глазами «Круга спасения Дона» стояли окровавленные призраки застрелившегося атамана Каледина и расстрелянного атамана Назарова, Дон лежал в обломках, он не только был разрушен, но он был загажен большевиками, и немецкие кони уже пили тихие струи Дона, священной для казаков реки. К этому привела работа Кругов, потому что и Каледин, и Назаров боролись с их постановлениями, но победить не могли, потому что не имели власти. Коллектив разрушал, но не творил. Задачами же донской власти было широкое творчество.

– Творчество, – сказал в одной из своих речей перед Большим войсковым Кругом атаман Краснов, – никогда не было уделом коллектива. Мадонну Рафаэля создал Рафаэль, а не комитет художников...

Донскому атаману предстояло творить, и он предпочитал остаться один вне критики Круга или Кругом назначенного правительства.

– Вы хозяева земли Донской, я ваш управляющий, – сказал Кругу атаман. – Все дело в доверии. Если вы мне доверяете, вы принимаете предложенные мною законы, если вы их не примете, значит, вы мне не доверяете, боитесь, что я использую власть, вами данную, во вред Войску. Тогда нам не о чем разговаривать. Без вашего полного доверия я править Войском не могу.

Этими законами отменялось все то, что громко именовалось «завоеваниями революции» и «ее углублением». И это высказали атаману. Но атаман этого и хотел. Законы императорской власти были привычные народу законы, народ их знал, понимал и исполнял. После революции Временное правительство спешно издало целый ряд законов, которые не были известны в народе, к которым народ не привык. Законы эти возбуждали кривотолки. А затем последовал ряд безумных декретов народных комиссаров. Все перемешалось в мозгах несчастных русских граждан, и многие не знали, что представляет из себя закон правительства Львова или Керенского и что декрет Ленина. Атаман счел необходимым вернуться к исходному положению – до революции. В особенности это было важно для войска, да еще ввиду военного времени, чтобы совершенно аннулировать приказ № 1, разрушивший всю великую Русскую армию.

На вопрос одного из членов Круга атаману, не может ли он что-либо изменить или переделать в предложенных им законах, атаман ответил: «Могу. Статьи 48, 49 и 50. О флаге, гербе и гимне. Вы можете предложить мне другой флаг, кроме красного, любой герб, кроме еврейской пятиконечной звезды или иного масонского знака, и любой гимн, кроме „Интернационала“».

Круг рассмеялся и принял законы, предложенные атаманом, в полном объеме.

Законы эти создали атаману многих врагов. Та часть интеллигенции, которая пряталась до сих пор по подвалам и погребам и вылезла наружу, как только исчезли большевики, стала упрекать атамана в стремлении к проведению принципа *l'etat c'est moi*.⁹ Стремящаяся к власти, воспитанная на критике ради критики, на разрушении, а не на творчестве, она повела широкую кампанию против атамана. В своих нелепых обвинениях она доходила до того,

⁸ Постановления «Круга спасения Дона». С. 14–19

⁹ «государство – это я» (франц.)

что, например, С. П. Черевков, редактор издававшейся в Екатеринодаре газеты, писал, что атаман стремится устроить на Дону феодальные порядки и хочет восстановить крепостное право и *jus prima noctis*.¹⁰

Не удовлетворили эти законы и генерала Деникина. Они показали ему, что Дон становится на путь самостоятельного строительства, вне зависимости от Добровольческой армии, что он не признает Добровольческую армию за Россию и Деникина за своего диктатора. Отсюда последовали обвинения атамана в стремлении к самостийности, к отделению от России. Донского атамана в Добровольческой армии прихвостни Деникина ославили едва не изменником России, самостийником и человеком «немецкой ориентации». Его слова: «Здравствуй царь в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону», повторение слов, которые говорились в эпоху Смутного времени на Руси, до избрания Романовых, создали атаману в Добровольческой армии репутацию монархиста.

Донской атаман не раз шутил говорил: «У меня четыре врага: наша донская и русская интеллигенция, ставящая интересы партии выше интересов России, – мой самый страшный враг; генерал Деникин; иностранцы – немцы или союзники и большевики. И последних я боюсь меньше всего, потому что веду с ними открытую борьбу, и они не притворяются, что они мои друзья ...»

4 мая было последнее заседание «Круга спасения Дона», и 5 мая Круг разъехался. Атаман остался один править Войском.

¹⁰ право первой ночи (лат.)

Глава II

Письма атамана к императору Вильгельму и гетману Скоропадскому. Сношения с немцами. Свидание атамана с генералом Деникиным 15 мая. Результаты этого свидания

Все лежало в Войске Донском в обломках и запустении. Самый дворец атаманский был загажен большевиками так, что поселиться в нем сразу без ремонта было нельзя. Церкви были поруганы, многие станицы разгромлены, и из 252 станиц Войска Донского только 10 были свободны от большевиков. Не только пушечная, но ружейная и пулеметная стрельба были слышны кругом Новочеркасска. Бои шли под Батайском и у Александрo-Грушевского. Полиции ни городской, ни станичной, ни железнодорожной стражи не было. Грабежи и убийства были ежедневным обычным явлением. Немцы прочно заняли Таганрог и Ростов, немецкая кавалерия занимала всю западную часть Донецкого округа, станицы Каменская и Усть-Бело-Калитвенская были заняты германскими гарнизонами. Немцы продвигались к Новочеркасску, и аванпосты баварской конницы стояли в 12 верстах к югу от Новочеркасска. Планы и намерения немцев были совершенно неизвестны атаману.

Но все это были пустяки в сравнении с тем ужасным злом, которое сделали большевики в душах населения. Все понятия нравственности, чести, долга, честности были совершенно стерты и уничтожены. Совесть людская была опустошена и испита до дна. Люди отвыкли работать и не желали работать, люди не считали себя обязанными повиноваться законам, платить подати, исполнять приказы. Необычайно развилась спекуляция, занятие куплей и продажей, которое стало своего рода ремеслом целого ряда лиц и даже лиц интеллигентных. Большевистские комиссары насадили взяточничество, которое стало обыкновением и как бы узаконенным явлением.

В стране, заваленной хлебом, мясом, жирами и молоком, начинался голод. Не было товаров, и сельчане не хотели везти свои продукты в города. В городах не было денежных знаков, и их заменяли суррогаты, купоны займа свободы и другие, что до крайности затрудняло торговлю.

Перед атаманом лежал целый ряд задач, разрешить которые он должен был во время страшной и упорной борьбы с большевиками. В голову всего атаман поставил главную задачу, данную ему «Кругом спасения Дона», – освобождение земли Донской от большевиков.

Для выполнения ее ему нужно было создать армию, выяснить отношения немцев к Дону и войти в тесную связь с Украиной и Добровольческой армией, чтобы привлечь их к совместной работе против большевиков.

5 мая атаман вступил в управление Войском, и в тот же день вечером доверенный его, адъютант есаул Кульгавов, поехал с собственноручными письмами атамана к гетману Скоропадскому и к императору Вильгельму. Императору Вильгельму атаман писал на немецком языке о своем избрании, сообщил о том, что Войско Донское не находится в войне с Германией, просил, чтобы дальнейшее продвижение немецких войск в Донскую землю было приостановлено, чтобы Войско Донское было признано впредь до освобождения России от большевиков самостоятельной республикой, управляемой основными законами, приложенными к письму. Атаман просил о помощи оружием, взамен чего предложил установить через Украину правильные торговые отношения.

Есаул Кульгавов должен был передать это письмо в Киев командующему немецкими войсками на Украине генералу Эйхгорну, которому была послана копия этого письма. Гетману атаман писал о своем избрании, о вечной дружбе, которая была между Украиной и донскими казаками, указывал на то, что украинцы неправильно считают свои границы, и просил о скорейшем восстановлении старой границы земли Войска Донского. Вместе с тем атаман писал о сложении полномочий посольством Семенова, Горчукова, Сидорина и Гущина, об отозвании их и о посылке вместо них нового посольства в лице генерал-лейтенанта Свечина и генерал-майора Черячукина.

Результатом посылки письма императору Вильгельму было то, что уже 8 мая вечером к атаману явилась делегация от генерала от кавалерии фон Кнёрцера из Таганрога, заявившая, что германцы никаких завоевательных целей не преследуют, что они заинтересованы в том, чтобы на Дону восстановился возможно скорее полный порядок, что Таганрогский округ и Ростов они заняли лишь потому, что украинцы им сказали, что они принадлежат Украине и что этот пограничный спор надо разрешить с гетманом Скоропадским. Что касается станиц Донецкого округа, то немцы их заняли по приглашению самих казаков. Депутация заявила, что она считает в интересах казаков, чтобы германские войска оставались временно на донской территории, что они уйдут, как только увидят, что на Дону восстановился полный порядок.

Свидание атамана с представителями германского командования носило самый деловой характер. Атаман убедился в том, что немцы боятся казаков и что они действительно заинтересованы в помощи Дону. На первом же свидании было решено, что немцы дальше продвигаться не будут и что в Новочеркасск ни германские офицеры, ни солдаты без особого разрешения атамана ездить не будут, чтобы не раздражать казаков.

9 мая в Новочеркасск прибыли для жительства кубанский атаман полковник Филимонов и кубанское правительство, а также депутация от Грузинской республики. Донской атаман вошел в тесные дружеские сношения с теми и с другими. Он искал союзников и помощников в жестокой борьбе с большевиками и главным союзником своим он считал генерала Деникина и Добровольческую армию и искал скорейшего свидания с генералом Деникиным.

14 мая атаман получил известие о том, что 15 мая генералы Алексеев и Деникин прибудут из Мечетинской станицы в станицу Манычскую и хотели бы иметь переговоры с атаманом.

15 мая донской атаман вместе с председателем совета управляющих и управляющим отделом иностранных дел генерал-майором А. П. Богаевским, генерал-квартирмейстером штаба Донской армии полковником Кисловым и кубанским атаманом Филимоновым отбыл на пароходе «Вольный казак» из станицы Аксайской в станицу Манычскую, куда прибыл около часа дня. Около двух часов дня туда же на автомобилях прибыли представители Добровольческой армии генералы Алексеев и Деникин, начальник штаба армии генерал Романовский, полковники Ряснянский и Эвальд. Тут же находился командующий донскими частями Задонского района полковник Быкадоров.

В небольшой хате станичного атамана у разложенной карты с показанием расположения войск произошла беседа, длившаяся до самых сумерек.

Прежде чем начать разговоры с атаманом генерал Деникин предложил выслушать доклад только что прибывших из Киева его агента полковника Лисового и из Москвы господина Панченко. По словам этих лиц, в Москве и в России начиналось сильное монархическое движение, народ жаждал царя и большевистская власть была накануне крушения.

Атаман и, по-видимому, генерал Деникин отнеслись к этому сообщению без особого доверия. Генерал Алексеев был совершенно больной. Езда на автомобиле его укачала. Безучастно, закрыв глаза, он сидел за столом, облокотившись на ладони, и временами выходил из хаты. После доклада Лисового и Панченко, когда они ушли, генерал Деникин начал в

довольно резкой форме выговаривать атаману за то, что в диспозиции, отданной для овладения селением Батайск, было указано, что в правой колонне действует германский батальон и батарея, в центре – донцы, а в левой колонне – отряд полковника Глазенапа Добровольческой армии.

– Согласитесь с тем, что это недопустимо, чтобы добровольцы участвовали с немцами. Добровольческая армия не может иметь ничего общего с немцами. Я требую уничтожения этой диспозиции, – говорил генерал Деникин.

Атаман ответил, что уничтожить истории нельзя. Если бы эта диспозиция относилась к будущему – другое дело, но она относится к сражению, которое было три дня тому назад и закончилось полной победой отряда полковника Быкадорова, и уничтожить то, что было, невозможно. Атаман дал понять генералу Деникину, что он уже более не бригадный генерал, каким знал атамана на войне генерал Деникин, но представитель пятимиллионного свободного народа и потому разговор должен вестись в несколько ином тоне. Атаман рассчитывает и надеется на то, что цели, преследуемые Войском Донским и Добровольческой армией, одни и те же – уничтожение большевиков. К этому же стремится и атаман Дутов с оренбургскими казаками и чехо-словаки.

Генерал Деникин заговорил о едином командовании и о том, что желательно поступление донских частей в Добровольческую армию. Атаман ответил на это, что единое командование возможно осуществить только при условии существования единого фронта.

Если генерал Деникин считает возможным со своими добровольческими отрядами оставить Кубань и направиться к Царицыну, то все донские войска Нижне-Чирского и Великокняжеского районов будут подчинены автоматически генералу Деникину. Движение на Царицын при том настроении, которое замечено в Саратовской губернии, сулит добровольцам полный успех. В Саратовской губернии уже начались восстания крестьян. Царицын даст генералу Деникину хорошую чисто русскую базу, пушечный и снарядный заводы и громадные запасы всякого войскового имущества, не говоря уже о деньгах. Добровольческая армия перестанет зависеть от казаков. Кроме того, занятие Царицына сблизит бы, а может быть, и соединит бы нас с чехо-словаками и Дутовым и создало бы единый грозный фронт. Опираясь на Войско Донское, армии могли бы начать свой марш на Самару, Пензу, Тулу, и тогда донцы заняли бы Воронеж...

– Я ни за что не пойду на Царицын, – сказал категорически Деникин, – потому что там мои добровольцы могут встретить немцев. Это невозможно.

– Но ручаюсь вам, – возразил атаман, – что немцы дальше Усть-Бело-Калитвенской станицы на восток не пошли и без моего разрешения не пойдут.

– Все равно на Царицын я теперь не пойду, – упрямо сказал Деникин. – Я обязан раньше освободить кубанцев – это мой долг, и я его исполню.

Генерал Алексеев поддержал Деникина. Он считал, что направление на Царицын действительно создаст единый фронт, но вся беда в том, что кубанцы из своего Войска никуда не пойдут, а Добровольческая армия бессильна что-либо сделать, так как в ней всего около 2500 штыков. Ей надо отдохнуть, укрепнуть и получить снабжение, и Войско Донское должно ей в этом помочь. Кубань хотя и поднялась против большевиков, но сильно нуждается в помощи добровольцев. Если оставить кубанцев одних, можно опасаться, что большевики одолеют их, и тыл Донской армии будет угрожаем со стороны Кубани.

На совещании было решено, что Добровольческая армия пойдет вместе с кубанцами на Екатеринодар и только после освобождения его она может помочь донцам в операциях на Царицын. Таким образом, обе армии – Донская и Добровольческая – расходились по двум взаимно противоположным направлениям: одна шла на север к сердцу России – Москве, другая шла на юг – к Минеральным Водам. Вопрос о едином командовании отпадал.

Атаман настаивал на немедленном наступлении. Надо использовать настроение казаков, их порыв, надо воспользоваться растерянностью комиссаров.

Деникин отказал и в этом. После тяжелого похода Добровольческая армия нуждалась в отдыхе и пополнении. Ей необходимы были широкие квартиры и правильная организация тыла. Дон должен был снабдить Добровольческую армию всем необходимым и быть ее тылом.

Совещание свелось к тому, что Добровольческая армия потребовала устройства лазаретов и госпиталей, этапных пунктов и вербовочных бюро в Ростове и Новочеркасске, потребовала оружия и снаряжения и взяла заимообразно 6 миллионов рублей у Донского войска, обязуясь обеспечивать тыл Донского войска со стороны Кубани. Кубанский атаман никакой роли на совещании не играл.

Начать активные действия добровольцы и кубанцы могли только через месяц.

О союзниках не было сказано ни слова. К Украине и немцам генерал Деникин высказал самое непримиримое отношение и старательно закрывал глаза на то, что оружие и снаряжение для Добровольческой армии донской атаман может получить только из Украины, то есть от немцев. Этот вопрос был повернут так, что на Украине остались громадные склады российской Юго-Западной армии. Добровольческая армия является прямою наследницею Юго-Западной армии, и потому Украина должна передать ей имущество складов. Про то, что эти склады были опечатаны немецкими печатями и к ним приставлены немецкие часовые, командование Добровольческой армии умалчивало.

Генерал Деникин потребовал немедленного присоединения отряда полковника Дроздовского к Добровольческой армии.

Со смутным чувством неудовлетворенности ехал донской атаман из Манычской со свидания с генералом Деникиным. Войско Донское стояло одно-одинешенько перед громадной задачей освободиться от большевиков и положить начало освобождению и самой России.

Глава III

Тыл Добровольческой армии на Дону. Поведение офицеров. Две разные точки зрения на Дон. Мелочность характера генерала Деникина. Враждебное отношение его к атаману и генералу Денисову

Обе столицы Донского войска, Ростов и Новочеркасск, стали тылом Добровольческой армии. Это уже такой непреложный закон всякой армии, как бы строго дисциплинирована она ни была, что совершенно механически совершается отбор ее представителей. Все прекрасное, храброе, героическое, все военное и благородное отходит на фронт. Там совершаются подвиги, красотой которых умиленно любит мир, там действуют чудо-богатыри Марковы, Дроздовские, Неженцевы, там красота, благородство и героизм. Но чем дальше отходишь от боевых линий к тылу, тем резче меняется картина. Все трусливое, уклоняющееся от боя, все жаждущее не подвига смертного и славы, но наживы и наружного блеска, все спекулянты собираются в тылу. Здесь люди, не видевшие раньше и сторублевого билета, ворочают миллионами рублей, и у них кружится голова от этих денег, здесь продают «добычу», здесь постоянно вращаются герои с громадной популярностью в тылу и совершенно неизвестные на фронте. Фронт оборван, бос и наг, фронт голоден – здесь сидят люди в ловко сшитых черкесках, в цветных башлыках, во френчах и галифе, здесь пьют вино, хвастают своими подвигами, звенят золотом и говорят, говорят. Там, в передовых окопах, про политику не говорят, о будущем не думают, смерть сторожит эти думы – здесь политиканствуют и создают такую окраску и физиономию, которой армия на деле не имеет.

В тылу лазареты с врачами, санитарным персоналом и сестрами. В тылу любовь и ревность. Раненые и больные часто бывают капризны и требовательны и на правах раненых и больных позволяют себе весьма многое, оскорбляющее тех здоровых, которые отдали себя на служение им. Но настоящие раненые и больные не в счет, им это охотно прощают, но в лазаретах всегда бывает известный процент таких раненых, которые никогда ранены не были, таких больных, болезнь которых не найдет и не определит самый искусный врач. Эти «раненые» и «больные» приносят вино в лазареты, эти «раненые» и «больные» до глубокой ночи шатаются по городу, горланя песни, и управы на них нет нигде. Что может им сделать дежурная сестра, которая сама их безумно боится? Так было во всех армиях, так было и в Добровольческой армии. В Добровольческую армию вместе с идейными юношами шли шкурники, и эти шкурники прочно оседали в тылу и теперь наводнили Ростов и Новочеркасск. И вот начались те тяжелые отношения между Доном и Добровольческой армией, которые бросались в глаза человеку вдумчивому. Сами армии были дружны вечной дружбой, спаянной вместе пролитой кровью, но тылы ссорились, и генерал Деникин и его окружающие, которые жили в тылу тыловой жизнью, поддались этому тыловому, враждебному Дону, настроению.

Войско Донское все, но особенно Новочеркасск, в эти весенние дни 1918 года жило особенно повышенной жизнью. Создавали ли это настроение постоянные победы Донской армии или та энергичная, нервно пульсирующая жизнь проснувшегося народа, но это была не обычная сонная жизнь глухого провинциального города.

Атаман восстановил старинный допетровский титул «Всевеликое войско Донское», и все войско – от казака до генерала – подхватило этот титул. В Новочеркасске спешно печатались свои уставы, широко распространялась история Войска, писали его географию, состав-

ляли особую хрестоматию. В школах и гимназиях после молитв дружно пели «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон», и гимн этот подхлестывал и взвинчивал, как «Марсельеза». На школьных праздниках в ученических выступлениях неизменно фигурировало полное горячей любви к Родине стихотворение в прозе донского писателя Ф. Крюкова «Родимый край», и над ним плакали. Была мысль одеть Донскую армию в особую от русской форму, но этому воспротивились командующий армией генерал Денисов и атаман. Над дворцом гордо реял сине-желто-красный флаг, и новочеркасские жители ходили им любоваться. Все это было «свое», особенное, новое, принадлежащее Всевеликому войску Донскому.

Большевизму атаман противопоставил шовинизм, интернационалу – яркий национализм. Ездя по станицам и полкам, атаман везде говорил одно: «Любите свою великую, полную славы Родину – Тихий Дон и мать нашу Россию! За веру и Родину – что может быть выше этого девиза!»

Что такое было Всевеликое войско Донское для офицера Добровольческой армии? Донская область, Донская губерния – и больше ничего. Казаки – четвертые полки кавалерийских дивизий, штабная конница, прикрытие обозов и конвои – словом, презрительно-ласковое – *казачки*.

Тем, кто в сердце своем носил священное бело-сине-красное знамя великой и неделимой России, претил новый донской флаг. Немногие понимали значение его как переходного флага. Не понимал его и Деникин. Гимн донской для них был не гимн, но только песня. В Войске Донском была старая дисциплина со всем старым воинским ритуалом, со знаменами, встречаемыми звуками похода, и с караульной службой, где часовой был лицом неприкосновенным. В Добровольческой армии была дисциплина новая, упрощенная и бьющая на внешность, часто офицерски распущенная.

А. А. Суворин пишет:

«Нужно, чтобы в армии было прямо и строго поставлено требование доблести и чтобы она осталась истинно доблестной, какою она была при Корнилове. Но, чтобы быть прочною, доблесть эта должна иметь под собою опору дисциплины, которая вовсе не всегда непременно сопутствует доблести. И именно о Добровольческой армии всегда можно было сказать: „Доблести много, дисциплины мало!“ Мне говорил один из генералов армии: „Когда в сторожевом охранении находятся солдаты, я уверен, что часовые не спят, но я не уверен в этом, когда в охране офицеры!“»

И для утверждения дисциплины действительно благонадежной необходимо ввести в армии точное исполнение Устава внутренней службы. Без него все разговоры о дисциплине останутся только разговорами...»¹¹

На Дону первым был отпечатан Дисциплинарный устав и сейчас же следом за ним Устав внутренней службы...

Атаман строго преследовал пьянство, и офицеров, замеченных в нетрезвом поведении, увольнял вовсе от службы без мундира и пенсии. И он, и особенно командующий Донской армией генерал-майор Денисов требовали не только полного соблюдения воинской дисциплины и порядка, но и форменной, щегольской, насколько позволяли обстоятельства, одежды и благопристойного поведения в общественных местах. Разлад между Доном и Добровольческой армией начался с мелочей и пустяков, но вылился в тяжелые формы вследствие крайнего самолюбия Деникина.

Его постоянно раздражала мысль, что Войско Донское находится в хороших отношениях с немцами и что немецкие офицеры бывают у атамана. Генерал Деникин не думал о том, что благодаря этому Добровольческая армия неотказно получает оружие и патроны, и

¹¹ Суворин А. А. Поход Корнилова. С. 108

офицеры едут в нее через Украину и Дон совершенно свободно, но он видел в этом *измену союзникам* и сторонился от атамана...

В лице командующего Донской армией атаман имел блестящего помощника. Но горячий патриот генерал Денисов отличался резким, порывистым характером. Он был молод. Ему было всего 34 года, и, когда генерал Деникин командовал дивизией, Денисов был всего капитаном генерального штаба. Ставши командующим армией, Денисов установил отношения с генералом Деникиным, как с равным, и это коробило Деникина. Штаб Донской армии, богато снабженный и блестяще оборудованный, щеголял точностью донесений, красотою исполнения схем, аккуратностью работ, чего нельзя было сказать про штаб Добровольческой армии, и Денисов зло смеялся, критиковал и иронизировал над Добровольческой армией.

В Новочеркаске, в Александровском саду, по приказанию генерала Денисова действовало летнее гарнизонное собрание, куда могли приходить обедать офицеры с их семьями и где они могли иметь дешевую (за 2 руб. 50 коп.) и здоровую пищу. По вечерам там играл войсковой хор и пели войсковые певчие. Офицеры Добровольческой армии допускались туда на совершенно одинаковых условиях с офицерами-донцами. Добровольцы не раз устраивали там пьяные кутежи со скандалами и, наконец, пустили по адресу Войска Донского «крылатое» слово – *«всевеселое войско Донское»*.

Денисов промолчал. Вскоре на одном вечере в присутствии Денисова и одного полковника из Добровольческой армии на Войско Донское стали жестоко нападать за его сношения с немцами.

– Но что же Войску делать, – сказал Денисов, – Немцы пришли на территорию его и заняли. Войску Донскому приходится считаться с совершившимся фактом. Не может же оно, имея территорию и народ, ее населяющий, уходить от них, как то делает Добровольческая армия. Войско Донское – *не странствующие музыканты*, как Добровольческая армия.

Эти *«странствующие музыканты»* были переданы генералу Деникину, и он в свое время припомнил это словцо Денисова. Когда Войско Донское начало свои сношения с союзниками, в штабе Деникина сказали: *«Войско Донское – это проститутка, продающая себя тому, кто ей заплатит»*.

Денисов не остался в долгу и ответил: «Скажите Добровольческой армии, что если Войско Донское проститутка, то Добровольческая армия есть кот, пользующийся ее заработком и живущий у нее на содержании».

Это были мелочи. Но они разожгли самолюбие Деникина, и он стал добиваться удаления Денисова.

Генерал Деникин хотел, чтобы Войско Донское было Донскою областью с некоторой автономией, он не соглашался признать Донской армии, но желал иметь донские полки там, где они понадобятся; он решительно шел к тому *старому режиму*, о котором при обстоятельствах теперешнего момента атаман не мог и заикнуться. И Деникин стал во враждебные отношения к атаману, считая его главным виновником шовинистической политики Дона.

Но пока у донского атамана на фронте была 60-тысячная армия, а у него вместе с кубанцами насчитывалось 12 тысяч, пока все снабжение шло через донского атамана, взявшегося быть посредником между Украиной и немцами, с одной стороны, и Добровольческой армией, с другой, Деникин молчал, и только окружающие его готовили грозную кампанию против генерала Денисова, атамана и всех донских патриотов. Они стремились свалить Войско Донское, и впоследствии при помощи союзников они свалили его... но в результате погубили последний ресурс в своей борьбе. Как только война перестала быть национальной, народной, она стала классовой, и как таковая не могла иметь успеха в беднейшем классе.

Казаки и крестьяне отпали от Добровольческой армии, и Добровольческая армия погибла. Говорят об измене казаков Деникину, но нужно посмотреть, кто изменил раньше: казаки – Деникину или Деникин – казакам. Если бы Деникин не изменил казакам, не оскор-

бил бы жестоко их молодого национального чувства, они не покинули бы его. И прав был атаман, когда в числе своих врагов ставил и генерала Деникина. Генерал, быть может, сам того не понимая, работая на разрушение Донского войска, рубил сук, на котором сидел...

Глава IV

Отношение к немцам. Второе письмо Донского атамана императору Вильгельму

Очень остро и болезненно проходили для атамана отношения к немцам. Без немцев Дону не освободиться от большевиков – это было общее мнение фронтового казачества, которое умирало, защищая с оружием в руках свои станицы и освобождая станицы своих соседей.

Совершенно иначе смотрела донская интеллигенция и особенно приехавшие из России люди, которые хотели и на Дону сыграть ту крупную роль, которую они играли когда-то в царской России. К числу таковых нужно отнести и бывшего председателя Государственной думы двух последних призывов М. В. Родзянко, жившего в Новочеркасске, и всю кадетскую партию, которая объединилась в борьбе против атамана. Отозванные из Украины члены первого посольства генерал Сидорин и полковник Гушин вели сильную пропаганду против атамана, постоянно проповедуя о том, что победа союзников, несомненно, будет, и союзники никогда не простят донским казакам того, что они сносились с немцами.

Дон раскололся на ориентации. Весь простонародный, хлебоборбный Дон и большая часть интеллигенции держались германской ориентации, напротив, члены могущественной кадетской партии и многие политические беженцы считали, что все спасение Дона в демократии Англии и Франции, которые придут и спасут и Дон, и Россию. Как спасут? Непременно и не иначе, как *живой силой*.

В начале июня у атамана было совещание с представителями кубанского правительства, горских народов, именующим себя астраханским атаманом князем Тундутовым и некоторыми членами «Круга спасения Дона», оставшимися в Новочеркасске. Член президиума Круга А. П. Епифанов горько упрекал атамана в том, что он ведет сношения и опирается на немцев.

– Придут союзники, и они никогда этого не простят донским казакам! – говорил Епифанов.

Остальные присутствовавшие на заседании молчали. Атаман еще раз рассказал ту обстановку, в которой он застал Войско. Целая треть его была уже занята германскими войсками, местами казаки сами приглашали немцев помогать в борьбе с красной гвардией, у казаков не было оружия для борьбы с нею, и получить его можно было только от немцев или через немцев. Дону предстояло одно: или подчиниться советским властям, или войти в соглашение с немцами. У Дона не было иного выхода.

– Ждать союзников, – сказал Епифанов. – Союзники придут и помогут.

– Да, – нервно сказал атаман, – так же, как они пришли в Новороссийск в январе, когда застрелился Каледин... А до тех пор?

– До тех пор? Побольше крови, побольше терпения! – в мрачной тишине сказал Епифанов.

– Увы, и так слишком много льется крови, – отвечал атаман.

– Надо поступать так, как поступает Добровольческая армия, то есть уходить от немцев, – продолжал развивать свою мысль Епифанов.

– Хорошо Добровольческой армии: у нее нет ни земли, ни народа, она может идти хотя до Индии, но куда я пойду со станицами, хуторами, со стариками и детьми. Нет, кто бы ни пришел сюда, – сказал атаман, – я останусь в Новочеркасске и не выдам Донского войска.

– А у меня уже на этот случай и чемодан уложен, – с иронией сказал Епифанов. Атамана поддержал только председатель «Круга спасения Дона» Г. П. Янов.

Другой раз, уже во время сессий августовского Круга, атаман, отвечая на нападки в сношениях с немцами и слыша, что ему ставят в пример голубиную чистоту Добровольческой армии, которая на знамени своем неизменно носит непоколебимую верность союзникам, воскликнул:

– Да, да, господа! Добровольческая армия чиста и непогрешима. Но ведь это я, донской атаман, своими грязными руками беру немецкие снаряды и патроны, омываю их в волнах Тихого Дона и чистенькими передаю Добровольческой армии! Весь позор этого дела лежит на мне!

Буря аплодисментов покрыла слова атамана. Нападки за «германскую ориентацию» прекратились.

Нелегки были и отношения с самими немцами. Атаман не хотел, чтобы германское командование имело хотя бы какой-нибудь намек, что оно имеет влияние на управление Доном. Поэтому никаких миссий, никаких представителей от немцев в Новочеркасск допущено не было. Дон считается с фактом занятия части территории германскими войсками, смотрит на них не как на врагов, но как на союзников в борьбе с большевиками и старается использовать их для вооружения и снабжения всеми средствами борьбы своей армии. Так было сказано в первом приказе атамана, отданном 4 мая ночью.

«... В тяжелые дни общей государственной разрухи приходится мне вступать в управление Войском, – писал атаман. – Вчерашний внешний враг, австро-германцы, вошли в пределы Войска для борьбы в союзе с нами с бандами красноармейцев и водворения на Дону полного порядка. Далеко не все Войско очищено от разбойников и темных сил, которые смущают простую душу казака.

... Казаки и граждане! Я призываю вас к полному спокойствию в стране. Как не тяжело для нашего казачьего сердца, я требую, чтобы все воздержались от каких бы то ни было выходов по отношению к германским войскам и смотрели бы на них так же, как на свои части. Зная строгую дисциплину германской армии, я уверен, что нам удастся сохранить хорошие отношения до тех пор, пока германцам придется оставаться у нас для охраны порядка и пока мы не создадим своей армии, которая сможет сама охранить личную безопасность и неприкосновенность каждого гражданина без помощи иностранных частей. Нужно помнить, что победил нас не германский солдат, а победили наше невежество, темнота и та тяжелая болезнь, которая охватила все Войско и не только Войско, но и всю Россию».¹²

При посещении тех станиц и железнодорожных станций, где были германские гарнизоны, атаман требовал, чтобы ему выставляли почетный караул от донской части, но чтобы на левом фланге представляющихся чинов армии находились германские начальники расквартированных частей.

Немцы отлично понимали, для чего это делается, и сами шли навстречу желаниям атамана. Они, победители в данное время, всеми силами старались упрочить положение атамана и возвысить его в глазах населения. И этому иногда мешали те темные силы, которые были в интеллигенции. Одни боролись против атамана потому, что считали его врагом революции и неискренно сочувствующим идее народоправства, другие выступали против него «страха ради иудейска», стараясь заслужить в будущем благодарность союзников, большинство же было лично обижено тем, что они или не получили того высокого поста, который хотели получить, или были сняты с занимаемого поста. Все эти люди собрались в Екатеринодаре при штабе генерала Деникина и, пользуясь теми тяжелыми отношениями, которые

¹² Приказ Всевеликому войску Донскому № 1. 4/17 мая 1918 г.

установились между атаманом и Деникиным, вели свою работу против атамана и немцев, и работа эта скоро возымела свои последствия.

Сношения с немцами вылились в определенную форму. Генерал фон Арним 14 июня вместе со своим начальником штаба майором фон Шлейницем прибыли в Новочеркасск и представились атаману, 16 июня атаман был у них в Ростове с ответным визитом.

Еще раньше, 5 июня, от генерала Эйхгорна приезжал из Киева майор Стефани, который передал о признании атамана германскими властями.

27 июня в Ростов прибыл майор фон Кокенхаузен, назначенный официально для сношений с донским атаманом. Сношения вылились в чисто деловую форму. Установлен был курс германской марки в 75 копеек донской валюты, сделана была расценка русской винтовки с 30 патронами в один пуд пшеницы или ржи, заключен был контракт на поставку аэропланов, орудий, винтовок, снарядов, патронов и т. п., установлено было соглашение, что в случае совместного участия германских и донских войск половина военной добычи передавалась донскому войску безвозмездно, выработаны были планы действий под Батайском. Наконец, немцы со значительными потерями для себя отразили безумную попытку большевиков высадиться на Таганрогской косе и занять Таганрог. Немцы не особенно охотно вступали в бои с большевиками, но тогда, когда боевая обстановка этого требовала, они действовали вполне решительно, и донцы могли быть совершенно спокойны за ту полосу, которая была занята немецкими войсками. Вся западная граница с Украиной от Кантемировки до Азовского моря, длиною более 500 верст, была совершенно безопасна, и донское правительство не держало здесь ни одного солдата.

Сначала германское командование не обращало внимания на то, что офицеры едут из Украины в Добровольческую армию, и даже оказывало им содействие в этом, оно пропускало снаряжение одинаково как на Дон, так и на Кубань и в Добровольческую армию. Но когда после взятия добровольцами Екатеринодара туда прибыл бывший редактор «Киевлянина» Шульгин, а во главе отдела внешних сношений стал генерал А. М. Драгомиров, в Екатеринодаре стали появляться в газетах статьи с призывом объявления войны Украине и изгнания немцев. Майор фон Кокенхаузен обратился к донскому атаману с просьбой повлиять на генерала Деникина в том смысле, чтобы он прекратил газетную травлю гетмана Скоропадского и возбуждающие против немцев статьи. Генерал Деникин не обратил внимания на просьбу атамана, и тогда немцы стали делать затруднения офицерам в проезде к Деникину, поставили атаману условие, чтобы выдаваемое ему оружие и снаряды не были отправляемы в Добровольческую армию. Для наблюдения за этим в селении Батайск немцами была поставлена застава. Войско Донское продолжало, однако, снабжать Добровольческую армию и оружием, и патронами, посылая часть того, что получало, Деникину, минуя немцев, через Новочеркасск и далее степью на грузовых автомобилях на станцию Кагальницкую. Немцы знали про это, но закрывали на это глаза.

Но к Добровольческой армии отношения немцев резко изменились. Немцы стали считать генерала Деникина своим врагом и в противовес Добровольческой армии стали формировать Южную армию и Астраханский корпус. Формирования эти по причинам, которые будут указаны ниже, успеха не имели.

За первые полтора месяца немцы передали Дону, кубанцам и Добровольческой армии 11651 трехлинейную винтовку, 46 орудий, 88 пулеметов, 109104 артиллерийских снарядов и 11594721 ружейных патронов. Треть артиллерийских снарядов и одна четверть патронов были уступлены Доном Добровольческой армии.

В середине июня на Дону распространились слухи о том, что чехо-словаки занимают Саратов, Царицын и Астрахань с целью образовать по Волге Восточный фронт для наступления на Германию. Как ни были невероятны эти слухи, тем не менее они взволновали германское командование, и 27 июня в Новочеркасск к атаману прибыли майоры фон Стефани, фон

Шлейниц и Кокенхаузен. Разговор происходил в присутствии председателя совета управляющих генерала Богаевского. Немецкое командование заявило атаману, что оно всеми силами, до вооруженного вмешательства, поддерживало и помогало Донскому войску в его борьбе с большевиками, что оно готово и впредь оказывать эту помощь, что германское командование отстаивает перед Украиной неприкосновенность границ Войска Донского и Германия считает себя союзницей донских казаков в борьбе с большевиками. Со стороны же Донского войска немцы видят только холодное отношение к себе. Теперь, когда создается опасность войны на востоке, когда на Волжском фронте может образоваться чехо-словацкий фронт, который союзники могут использовать для своего наступления, Германия хотела бы знать, какую политику поведет в этом случае Донское войско, Кубань и вообще «Юго-Восточный союз».

Это были дни, когда Войско Донское только что начало освобождаться от большевиков. Оно по-прежнему было одиноко в борьбе. Немцы помогали оружием, но живою силою помогать избегали. Добровольческая армия и кубанцы были заняты своим делом и настолько мало интересовались Доном, что как раз в эти дни части Добровольческой армии, обеспечивающие Кагальницкую и Мечетинскую станицы, по стратегическим соображениям без уведомления о том донского атамана были сняты, и угроза висела над Новочеркасском.

Сказать германцам, что Войско Донское примкнет к чехо-словакам и пойдет войною на немцев, значило в лучшем случае лишиться и последней помощи, в худшем – быть раздавленными немцами, потому что казаки определенно заявляли, что воевать с немцами они не будут. Атаман не верил в это чехо-словацкое наступление. Фронт его войск был всего в 60 верстах от Царицына. Неужели же на фронте не знали бы, что Царицын уже не в руках большевиков?! Взвесив все эти обстоятельства, атаман заявил майору фон Стефани, что Дон останется нейтральным и не допустит войны на своей территории. Он не пропустит ни чехо-словаков через свои земли и не позволит немцам делать Дон ареной борьбы с чехо-словаками. Атаман в этом случае говорил то, чего хотели казаки. Они хотели мира, но не войны. Атаман не строил себе иллюзий, не бряцал оружием, не становился в донкихотскую позу, но печально и твердо смотрел на то, что происходит. Он не имел армии солдат в точном значении этого смысла, то есть людей, которых можно двинуть куда угодно и которые пойдут умирать за своим вождем, не спрашивая, во имя чего. Он имел народную армию и должен был считаться с мнением народа. Народ не хотел войны, он хотел мира. Нейтралитет Дона усилил бы и укрепил его физически, а этого только и желали казаки. И атаман ответил то, что думал донской народ.

Представители германского командования удовлетворились его ответом, но пожелали, чтобы это были не только слова, но чтобы они были закреплены в письменной форме. Было решено, что атаман напишет германскому императору письмо, в котором выскажет свои взгляды на отношения к Германии.

28 июня атаманом было составлено следующее письмо главе германского народа:

«Ваше Императорское и Королевское Величество. Податель сего письма, атаман Зимовой станицы (посланник) Всевеликого войска Донского при Дворе Вашего Императорского Величества и его товарищи уполномочены мною, донским атаманом, приветствовать Ваше Императорское величество, могущественного монарха великой Германии, и передать ниже следующее:

Два месяца борьбы доблестных донских казаков, которую они ведут за свободу своей Родины с таким мужеством, с каким в недавнее время вели против англичан родственные германскому народу буры, увенчались на всех фронтах нашего государства полной победой, и ныне земля Всевеликого войска Донского на девять десятых освобождена от диких красногвардейских банд.

Государственный порядок внутри страны окреп, и установилась полная законность. Благодаря дружеской помощи войск Вашего Императорского Величества создалась тишина на юге Войска и мною приготовлен корпус казаков для поддержания порядка внутри страны и воспрепятствования натиску врагов извне. Молодому государственному организму, каковым в настоящее время является Донское войско, трудно существовать одному, и поэтому оно заключило тесный союз с главами Астраханского и Кубанского войск, полковником князем Тундутовым и полковником Филимоновым, с тем, чтобы по очищению земли Астраханского войска и Кубанской области от большевиков оставить прочное государственное образование на началах федерации из Всевеликого войска Донского, Астраханского войска с калмыками Ставропольской губернии, Кубанского войска, а впоследствии по мере освобождения и Терского войска, а также народов Северного Кавказа. Согласие всех этих держав имеется, и вновь образуемое государство в полном согласии со Всевеликим войском Донским решило не допускать до того, чтобы земли его стали ареной кровавых столкновений, и обязалось держать полный нейтралитет.

Атаман Зимовой станицы нашей при дворе Вашего Императорского Величества уполномочен мною просить Ваше Императорское Величество признать права Всевеликого войска Донского на самостоятельное существование, а по мере освобождения последних Кубанского, Астраханского и Терского войск и Северного Кавказа право на самостоятельное существование и всей федерации под именем Доно-Кавказского союза.

Просить признать Ваше Императорское Величество границы Всевеликого войска Донского в прежних географических и этнографических его размерах, помочь разрешению спора между Украиной и Войском Донским из-за Таганрога и его округа в пользу Войска Донского, которое владеет Таганрогским округом более пятисот лет и для которого Таганрогский округ является частью Тмутаракани, от которой и стало Войско Донское.

Просить Ваше Величество содействовать к присоединению к Войску по стратегическим соображениям городов Камышина и Царицына Саратовской губернии и города Воронежа и станции Лиски и Поворино и провести границу Войска Донского, как это указано на карте, имеющейся в Зимовой станице.

Просить Ваше Величество оказать давление на советские власти Москвы и заставить их своим приказом очистить пределы Всевеликого войска Донского и других держав, имеющих войти в Доно-Кавказский союз, от разбойничьих отрядов красной гвардии и дать возможность восстановить нормальные, мирные отношения между Москвой и Войском Донским. Все убытки населения Войска Донского, торговли и промышленности, происшедшие от нашествия большевиков, должны быть возмещены Советской Россией.

Просить Ваше Императорское Величество помочь молодому нашему государству орудиями, ружьями, боевыми припасами и инженерным имуществом и, если признаете это выгодным, устроить в пределах Войска Донского оружейный, ружейный, снарядный и патронный заводы.

Всевеликое войско Донское и прочие государства Доно-Кавказского союза не забудут дружеской услуги германского народа, с которым казаки бились плечом к плечу еще во время Тридцатилетней войны, когда донские полки находились в рядах армии Валленштейна, а в 1807-м и в 1813 годах донские казаки со своим атаманом графом Платовым боролись за свободу Германии. И теперь почти за 31/2 года кровавой войны на полях Пруссии, Галиции, Буковины и Польши казаки и германцы взаимно научились уважать храбрость и стойкость своих войск и ныне, протянув друг другу руки, как два благородных бойца, борются вместе за свободу родного Дона.

Всевеликое войско Донское обязуется за услугу Вашего Императорского Величества соблюдать полный нейтралитет во время мировой борьбы народов и не допускать на свою территорию враждебные германскому народу вооруженные силы, на что дали свое согласие

и атаман Астраханского войска князь Тундутов и кубанское правительство, а по присоединении остальные части Доно-Кавказского союза.

Всевеликое войско Донское предоставляет Германской империи права преимущественного вывоза избытков за удовлетворением местных потребностей хлеба, зерном и мукой, кожевенных товаров и сырья, шерсти, рыбных товаров, растительных и животных жиров и масла и изделий из них, табачных товаров и изделий, скота и лошадей, вина виноградного и других продуктов садоводства и земледелия, взамен чего Германская империя доставит сельскохозяйственные машины, химические продукты и дубильные экстракты, оборудование экспедиции заготовления государственных бумаг с соответствующим запасом материалов, оборудование суконных, хлопчатобумажных, кожевенных, химических, сахарных и других заводов и электротехнические принадлежности.

Кроме того, правительство Всевеликого войска Донского предоставит германской промышленности особые льготы по помещению капиталов в донские предприятия промышленные и торговые, в частности по устройству и эксплуатации новых водных и иных путей.

Тесный договор сулит взаимные выгоды, и дружба, спаянная кровью, пролитой на общих полях сражений воинственными народами германцев и казаков, станет могучей силой для борьбы со всеми нашими врагами.

К Вашему Императорскому Величеству обращается с этим письмом не дипломат и тонкий знаток международного права, но солдат, привыкший в честном бою уважать силу германского оружия, а поэтому прошу простить прямоту моего тона, чуждую всяких ухищрений, и прошу верить в искренность моих чувств. Уважающий вас Петр Краснов, донской атаман, генерал-майор».¹³

Письмо это было рассмотрено 2 июня в совете управляющих отделами. Отношение к нему было сдержанное, скорее даже отрицательное. Прения и редакционные поправки затянулись до 10 часов вечера. После доклада командующего войсками о том тяжелом положении, в котором находятся войска не только Донской, но и Добровольческой армии, о полной зависимости от того, будут ли эти армии в достаточном количестве и своевременно снабжены патронами и снарядами, совет управляющих одобрил это письмо.

– Во всяком случае, – сказал атаман, – всю ответственность за это письмо я беру на себя. Независимо от вашего мнения я отправлю это письмо, потому что в нем вижу спасение Дона, и следовательно, и России, так как судьбы одного тесно связаны с судьбами другой, и для меня они неразделимы. Приближается время уборки урожая. Если при помощи немцев нам удастся добиться того, что большевики дадут передышку на фронтах, мы справимся, если этой передышки не будет, мы рискуем, что казаки будут покидать фронт и передаваться советским войскам. Что касается союзников, то в случае их победы неужели они не поймут, что наш нейтралитет был вынужденным? И если не поймут, то пусть судят меня, меня одного...

5 июля герцог Н. Н. Лейхтенбергский, назначенный атаманом Зимовой станицы в Берлине, поехал в Киев, где он должен был соединиться с генералом Черячукиным и вместе с ним ехать дальше.

¹³ текст взят из разосланного господином М. В. Родзянко письма, почему за точность выражений не ручаемся. Содержание же верно

Глава V

Результаты письма императору Вильгельму. Активная помощь Дону. Восстановление старых границ земли войска Донского. Ослабление натиска большевиков. Большой войсковой Круг. Интриги против атамана. Вмешательство немцев. Атаман Краснов вторично избран атаманом

Письмо это имело громадные последствия. 29 июля Украина сообщила о признании старых границ Донского войска, и донские власти вошли в Таганрог и Таганрогский округ. Натиск большевиков действительно ослабел, и донские войска вышли за пределы земли Войска Донского и победоносно вступили в Воронежскую и Саратовскую губернии. Германские гарнизоны были поставлены в зависимость от атамана и оставались лишь там, где атаман считал их присутствие необходимым. Таким образом они вскоре покинули Донецкий округ и оставались только в Ростове и Таганроге, где атаман находил их присутствие необходимым до тех пор, пока полки Молодой Донской армии не будут в состоянии их сменить. В Ростове была образована смешанная Доно-Германская экспортная комиссия, нечто вроде торговой палаты, и Дон начал получать сначала сахар из Украины, а затем должен был получить все просимые им товары из Германии. В Войско Донское были отправлены тяжелые орудия, в посылке которых до этого времени германцы отказывали. Наконец, германское командование предложило участие своих войск для операций по овладению Царицыным, но атаман это предложение отклонил, надеясь, что Добровольческая армия, как это было условлено в Манычской 15 мая, по овладении Екатеринодаром перейдет в наступление на север и вместе с донцами овладеет Царицыным. Дон был весь свободен от большевиков и достиг большого процветания внутри. Атаман созвал Большой войсковой Круг на 15 августа. Германцы были настолько внимательны к атаману, что в районе, ими занимаемом, сами следили за охранением внутреннего порядка во время выборов на Круг...

Все это были положительные результаты письма и тех переговоров, которые велись герцогом Лейхтенбергским и генералом Черячукиным в эти трудные дни. Это было время последнего германского наступления на Париж, и гордые своими победами немцы возили генерала Черячукина на позиции, где он лично мог убедиться в силе и мощи германской армии и страшном могуществе ее артиллерии.

Но вместе с тем письмо это было употреблено во вред атаману. Вследствие предательства отдела иностранных дел, где письмо это переводилось и печаталось, копия этого письма попала в руки враждебной атаману партии. Она была размножена с соответствующими комментариями и послана во все станицы для того, чтобы повлиять на окружные Круги, где обсуждались кандидаты в атаманы. Наконец оно было напечатано в екатеринодарских газетах.

Донского атамана обвиняли в измене России, в предательстве Дона немцам, в страшной «германской ориентации». Агитаторы из Екатеринодара поехали по станицам и прямо говорили, что атаман продал Дон немцам.

Но агитация эта не имела успеха. Простым умом своим донской казак понял одно, что атаман стремится всеми силами дать мир и благосостояние Донскому войску и считается с силами его, те же, кто говорит против атамана, стараются вовлечь его в бесконечные войны и заставить служить для союзников. «Что говорить пустое о верности союзникам, – говорили казаки. – Кто изменил: Россия – союзникам или союзники – России? Кабы союзники-то были

верны России, разве ж они допустили бы такую беду! Или они и сами изменники, или они так слабы, что нам с ними нечего делать. То-то Добровольческая армия верна союзникам, а как что – патроны или снаряды – от нас берет. Небось союзники-то ей ничего не дали!» – и слова агитации разбивались о то, что казаки видели своими глазами.

А видели они свободные от Красной армии станицы, где собирали редкий по размерам урожай, видели они сахар с немецкими бандеролями, видели тяжелые немецкие пушки, запряженные восьмерками донских лошадей, видели они свою молодую, прекрасно одетую, выправленную и обученную армию, видели постепенный привоз товаров. Они видели свое донское мыло, донское стекло, донское сукно. Слышали они о широких планах атамана, знали они, что крупные московские капиталисты хотят на Дону устроить фабрики для донских казаков, и знали одно про атамана, что атаман крепко любит Дон и душу свою готов отдать за него. Это они твердо знали про атамана.

Круг собрался 15 августа. Это уже не был сплошной, однородный серый Круг, каким был «Круг спасения Дона». Интеллигенция и то, что еще хуже, полуинтеллигенция, народные учителя, мелкие адвокаты вошли в него, сумели овладеть умами казаков, и Круг разбился уже не только географически по округам и по станицам, но и по политическим партиям. Председателем Круга был не пылкий патриот Янов, вся вера которого заключалась в горячей любви к Донскому войску и казаку, но лидер кадетской партии В. А. Харламов, бывший членом российской Государственной думы, опытный парламентарий, искушенный в политической борьбе. Партии, настроенные против атамана, повели свою подпольную работу. Несмотря на то что в первом же заседании, 16 августа, атаман просил о сложении своих полномочий и перевыборах атамана, как то было решено еще «Кругом спасения Дона», Круг тянул с выборами. Партия, враждебная атаману, видела восторженное отношение к атаману, слышала громовые крики «ура!» при встрече его и аплодисменты после его речей, и она приложила все усилия, чтобы изменить настроение Круга.

Управляющий отделом иностранных дел генерал-майор Богаевский, выставляемый Добровольческой армией как кандидат в атаманы, сдавая перед Кругом отчет о работе отдела, упомянул и о письме императору Вильгельму, написанному единолично атаманом. Письму была придана особая таинственность. Это было сделано с целью повлиять на умы серой части Круга и пошатнуть ее доверие к атаману.

После речи А. П. Богаевского встал атаман и громко, и четко прочел Кругу свое письмо императору Вильгельму и заявил, что всю ответственность за него он берет на себя.

В заседании 24 августа Круг постановил:

«Одобрить общее в отношении центральных держав направление политики правительства, основанной на принципе взаимного и равноправного удовлетворения обеих сторон в практических вопросах, выдвигаемых жизнью, без вовлечения Дона в борьбу ни за, ни против Германии.

Приветствовать наладившиеся добрососедские отношения с родственной Украиной и указать правительству на необходимость дальнейшего сближения в общих интересах Дона и Украины».¹⁴

Народная мудрость и национальный эгоизм одержали верх над хитрыми выпадами политических партий. Победа осталась за атаманом. Одновременно политические враги шли по другому пути, более опасному для атамана. Благодаря большевистской и социалистической пропаганде слово «Царь» было все еще жупелом для многих людей и из серой части Круга. С именем царя неразрывно связывали представление о суровом взимании пода-

¹⁴ Щепкин Г. Донской атаман генерал от кавалерии П. Н. Краснов. Новочеркасск. 1919. С. 74

тей, о продаже за долги государству последней коровенки, о засилии «помещиков и капиталистов», о белопогонниках офицерах и об «офицерской палке». *Царь и монархия* противопоставлялись понятию *свобода*. Между тем атаман служил торжественную панихиду по зверски убитым большевиками царе и отдал об этом приказ, официозная газета «Донской край» редактировалась опытным и талантливым писателем И. А. Родионовым, считавшимся ярким монархистом, и в ней помещались статьи, говорившие благожелательно о восстановлении монархии в России. Для членов Круга, желавших свалить атамана, была благодатная почва, и 18 августа было весьма бурное заседание, где левые партии требовали немедленной смены редактора Родионова. Им удалось так разжечь настроение на Кругу, что атаман не счел возможным оставаться на своем посту. 20 августа атаман попросил слова и сказал следующую речь:

– Господа, с чувством грусти и сердечной боли вхожу я на эту трибуну. С нее третьего дня были брошены громкие, заезженные слова: «К прошлому возврата нет!», и весь Круг дружно аплодировал этим словам.

Господа, о каком прошлом здесь говорилось? Потому что у нас, у казаков, было три прошлых.

Одно давнее, славное прошлое, когда были казаки вольными людьми, имели свое выборное правительство и своего выборного атамана. Они жили тогда у себя на Дону сами по себе и в чужие дела не мешались. «Здравствуй царь в Кременной Москве, а мы, казаки, на Тихом Дону», – гордо говорили они посланникам царя Московского и сами слали свои Зимовые станицы, то есть посольства, в царскую Москву. Царь не волен был тогда распоряжаться казачьими головами, но только Круг Войсковой и донской атаман. И было Войско Донское тогда Всевеликим войском Донским.

Знаем мы и другое прошлое. Тоже славное, но и тяжелое, подневольное. Сидели у нас на Дону наказные атаманы из России, служили мы на задворках российской конницы, спасали Россию и от француза, и от турка, держали порядок в России, и русский народ звал нас в благодарность за это *палачами, опричниками и нагаечниками*.

Знаем мы и недавнее страшное прошлое, алою братскою кровью залитое и красным знаменем прикрытое, когда правили нами и помыкали, и измывались над нами комиссары и советы.

Я вас вел к тому отдаленному прошлому, когда Войско Донское было Всевеликим войском Донским. Я до мелочей воскрешал в вашей памяти старый уклад вольного Тихого Дона и будил гордость казачью.

Те же, кто восклицал третьего дня: «К прошлому возврата нет», ведут вас к страшному кровавому прошлому советов.

Далее атаман говорил о разложении в армии, вызванном отчасти пропагандой, идущей изнутри войска, о том, что Царицынский фронт уже пошатнулся. Он говорил об усталости в войсках, о том, что только твердая власть может удержать на местах слабовольных и легковерных, о невозможности шатать эту власть. Атаман горячо заступился за Родионова, как за писателя, имеющего громкую славу. Атаман горько упрекал Круг за то, что на Кругу говорили о том, что атаман отдал, помимо Круга, приказ о мобилизации еще трех возрастов. Народ прислушивается к тому, что делается на Кругу, и такими речами шатается войско, ибо не верит власти.

– Когда, – закончил свою речь атаман, принимая из рук войскового есаула принесенный ему тяжелый золотой атаманский пернач и стоя перед Кругом уже с перначом в руках, – управляющий видит, что хозяин недоволен его работой, да мало того, что недоволен, но когда хозяин разрушает сделанное управляющим и с корнем вырывает молодые посадки, которые он с таким трудом сделал, он уходит! Это его долг! Ухожу и я, но считаю своим

долгом предупредить вас, что атаманский пернач очень тяжел, и не советую вам вручать его в слабые руки!

С этими словами атаман с такой силой бросил пернач на стол, что он расколол верхнюю доску, и ушел из зала заседаний.

На Кругу царило гробовое молчание. И сейчас же заволновалось большинство. Серая часть Круга, станичники и фронтовые казаки почувствовали себя, как стадо без пастыря, и на Кругу раздались крики: «Вернуть, вернуть атамана!»

Депутация от Круга во главе с председателем его поехала во дворец и уговорила атамана вернуться и оставаться на посту впредь до выборов. Атаман согласился, но просил ускорить выборы. Этот случай еще раз показал противникам атамана его силу и его популярность, и они решили вопреки его просьбам оттянуть выборы.

Германское командование с глубоким интересом следило за всем происходящим на Кругу. Немцы волновались оттяжкой выборов, они видели разлагающее действие Круга на армию и, несмотря на всю свою сдержанность, решили предупредить атамана, что если Дон станет опять ареной политической игры, то они откажутся ему помогать.

4 сентября майор Кокенхаузен писал из Ростова:

«Атаману Всевеликого войска Донского, господину генералу от кавалерии Краснову.

... Имею честь доложить Вашему Высокопревосходительству, что за последнее время высшему командованию в Киеве стал известен целый ряд событий на Дону, произведших там очень нехорошее впечатление.

Прежде всего удивляются, что выборы атамана, назначенные на 23 августа, не состоялись и отложены на неопределенный срок. В то время, как на фронте в тяжелой борьбе с большевиками дерутся доблестные и храбрые войска Вашего Высокопревосходительства, Вы и Ваши министры отвлекаются от работы скучными и длинными заседаниями на Кругу. Высшее командование боится, что Ваше твердое и самостоятельное управление страной тормозится Кругом, его продолжительными спорами из-за внутренних конституционных вопросов, тем более, что враждебно настроенная Вашему Высокопревосходительству партия стремится урезать полноту власти, Вам данной.

Немецкое высшее командование не хочет вмешиваться во внутреннюю политику Дона, но не может умалчивать, что ослабление власти атамана вызовет менее дружеское отношение к Дону германцев.

Высшее германское командование просит Вас потребовать немедленного выбора атамана, которым, несомненно, будете избраны Вы, Ваше Высокопревосходительство (судя по всему тому, что нам известно), чтобы скорее приняться за работу и твердо вести Всевеликое войско Донское к устроению его.

Далее получено известие, что генерал-лейтенант Богаевский в одном из заседаний Круга, на котором Ваше Высокопревосходительство не присутствовали, осуждал Вашу деятельность и все большое строительство на Дону в этот короткий срок приписывал исключительно себе. В другом заседании он пытался ослабить речь генерала Черячукина, который беспристрастно описал положение дел на Западном фронте. Генерал Богаевский выражал сомнение в окончательной победе германцев и указывал на близкое осуществление союзнического Восточного фронта. На вывод наших войск из Таганрога он указал, как на последствие наших неудач на Западном фронте, между тем как с нашей стороны это было только доказательством наших дружеских и добрососедских отношений.

Откровенно говоря, мне очень неприятно обращать внимание Вашего Высокопревосходительства на отзывы Вашего председателя министров, тем более, что генерал-лейтенант Богаевский не раз уверял меня в своем дружеском расположении к немцам.

Я считаю себя все-таки обязанным поставить Вас в известность и предупредить, что если мнение господина председателя министров действительно таково, то высшее командо-

вание германцев примет согласно с этим свои меры. Я еще пока не доносил об этом высшему командованию в Киеве, но буду принужден сделать это, если в будущем дойдут до меня слухи о враждебном отношении к немцам господина председателя.

... Я не могу скрыть от Вас, что все эти известия не могут произвести хорошего впечатления в Киеве, тем более, что высшее командование, очистив Таганрог, допустив туда донскую стражу, снабжая Дон оружием и политически воздействуя на Советскую власть на Северном фронте, явно выказало высшую предупредительность.

Отсрочка выборов атамана дает возможность агитировать враждебным немцам элементам, и я боюсь, что высшее командование сделает свои выводы и прекратит снабжение оружием. Примите уверения в моем совершенном уважении. Вашего Высокопревосходительства покорный слуга фон Кокенхаузен, майор генерального штаба...»

Из этого письма видно, что к этому времени на Дону наметились два кандидата в атаманы: генерал Краснов – «германской ориентации», сторонник свободного Дона, и генерал Богаевский – «союзнической ориентации», сторонник подчинения генералу Деникину.

12 сентября, наконец, Круг приступил к выборам атамана. В первом часу ночи 13 сентября закончился подсчет записок, поданных для выборов атамана. Из 338 записок 234 были поданы за генерала Краснова, 70 за генерала Богаевского, 33 записки пустых и одна за войскового старшину Янова...

Атаман Краснов остался на своем посту.

Глава VI

«Ориентация» атамана. Его взгляд на союзников по речам и действиям. Отношение к немцам. «Самостийность» атамана. Подготовка к движению для освобождения Москвы

Был ли действительно атаман «германской ориентации» и самостийником? Этот вопрос тогда занимал многих, на этом строилось тогда обвинение атамана Добровольческой армией, из-за этого Войску Донскому не была оказана своевременная помощь ни союзниками, ни Добровольческой армией, из-за этого атаману пришлось уйти со своего поста, не dokonчив начатого дела. Если обвинение в союзнической ориентации для русского человека и истинного патриота далеко не лестно, то тем более обвинение в приверженности ко вчерашним нашим врагам, ненависть к которым искусственно воспитывалась в течение всей войны, является тяжким обвинением. Это обвинение было пущено врагами атамана, собравшимися в Екатеринодаре, Сидориным и Гущиным, которых атаман отозвал из Киева и к которым выказал полное недоверие ввиду их прошлой некрасивой деятельности (Сидорина в дни похода Корнилова на Петроград и Гущина в первые дни революции), Семилетовым, уволенным от командования партизанами, Родзянко, высланным из Новочеркасска за вредную политическую деятельность, С. П. Черевковым и другими. Оставшись без дела при шумном и многочисленном штабе Деникина, они вымещали свою злобу на атамана в клевете на него. «Calomniez, calomniez – il en reste toujours quelque chose»,¹⁵ и эти обвинения остались за атаманом.

Если обратиться к речам и поступкам атамана, то трудно найти в них какую-либо особую симпатию к немцам и тем более самостийность.

В большой программной речи, сказанной при открытии Круга 16 августа 1918 года, атаман несколько раз останавливался на том, каковы должны быть отношения к немцам и союзникам.

– ... Россия побеждена? – говорил атаман. – Россия завоевана неприятелем? Нет... Неприятельские войска вошли на Украину, в Польшу, в Прибалтийский край, дошли до берегов Дона и были встречены как избавители. Несчастный русский народ потерял голову и уже не знает, кто у него друг и кто враг...

То, чего ожидали со страхом и трепетом народы Европы с конца прошлого века, – великая мировая война разразилась летом 1914 года. Это война между Англией и Германией. Война не на жизнь, а на смерть, война капиталистов за рынки, война рабочих за право жить и работать. Франция и Россия, Австро-Венгрия и Турция, Румыния и Италия, Болгария и Япония – это только пособники.

Они работали каждый на своей стороне – одни за Англию, другие за Германию. Но своей задачи, своей роли они не имели.

Англия не была готова для войны, и раньше 1916 года она не могла выступить. Америка колебалась – и вот два года занять и истощить Германию, парализовать Австро-Венгрию было поручено Франции и России.

Россия честно выполнила свою задачу. И когда немцы вторглись во Францию и самому Парижу угрожала опасность захвата, началось наступление русских войск в Пруссию во имя спасения Франции. С беззаветным мужеством дрались русские солдаты и казаки, и наш

¹⁵ «клеветайте, клеветайте – все равно что-нибудь останется» (франц.)

бывший войсковой наказный атаман Самсонов погиб, окруженный врагами в Пруссии. Но мы спасли Францию.

В 1915 году немцы начали свои жестокие атаки на Верден, и снова Парижу грозила опасность. И опять, устилая долины Карпатских гор трупами солдат и казаков, истекая кровью, без снарядов и патронов, бросились русские армии выручать положение. Верден не был взят: Франция спасена от разгрома, но нам пришлось откатиться назад и уступить Варшаву. Но мы благородно спасли союзников.

В 1917 году Англия была готова к решительному бою, Россия была снабжена орудиями и военными припасами, готовилось грозное решительное наступление, которое должно было привести нас к победе. Уже смело говорили и в обществе, и в печати не только о возврате всего потерянного, но и о занятии Галиции и Константинополя.

И Германия поняла, что она погибла.

При преступном содействии некоторой части нашей интеллигенции, при предательстве и измене многих сановников и генералов рушится великое здание Российской империи и под радостный визг черни совершается «великая бескровная революция». А затем приезжает из Германии в заплombированном вагоне Ленин и начинает вместе с великим провокатором и предателем Керенским сознательно разрушать Россию.

Атаман знал про слухи, что Англия, испугавшись могущества русской армии, готовой грозным прыжком овладеть Берлином и Веной, испугавшись, что тогда придется ей исполнить свое обещание и отдать России Константинополь и проливы и утвердить ее влияние в Персии, что не входило в планы Англии, побудило изменников, генералов и сановников, потребовать отречения императора Николая II и вдохнула в умы несчастной русской интеллигенции подлую мысль – «без аннексий и контрибуций». Атаман знал, какую роль приписывали во всем этом кровавом деле английскому послу Бьюкенену и английскому золоту, но он промолчал об этом, всю вину взваливши на Германию с ее Лениным, который ничего не мог бы сделать, если бы не имел своих предтеч. Он знал про это и молчал, потому что еще верил в благородство союзников.

– ...Но шли и шли в Донскую землю, – говорил дальше атаман, – немецкие полки, и вместе с конницею Туроверова в Ростов вошел германский отряд фон Арнима, и у храма святой Аксайской Божией Матери стали баварские кавалеристы. В 11 верстах от Новочеркасска растянулась линия германских аванпостов, и пулеметы германские были направлены на Новочеркасск...

...Немцы – наши враги, мы дрались с ними три с половиною года – это не забывается. Они пришли за нашим хлебом и мясом, и мы им совсем не нужны. Они нам не союзники. У нас должны бы быть союзники настоящие. Но где эти союзники? – с горечью воскликнул атаман. – Вот в январе месяце, когда жив был еще Алексей Максимович Каледин, по всему Новочеркасску опубликованы были официальные известия о том, что в Новороссийске высадился англо-французский корпус и идет на помощь Дону... Но умер Каледин, расстреляли Назарова, прошло полгода, а никаких англо-французов не пришло спасти сжигаемый большевиками Дон.

С конца мая месяца мы слышим о чехо-словаках. То они занимают Саратов, то подходят к самому Царицыну, то дерутся под Екатеринбургом и Иркутском. Последнее время все настойчивее и настойчивее говорят о движении японцев и китайцев и о создании Восточного фронта на Волге.

Какой ужас и позор! Сделать Россию ареной мировой борьбы, подвергнуть ее участи Бельгии и Сербии, обескровить ее, сжечь ее города и села, истоптать ее нивы и ее, голодную, поруганную и оплеванную, ее, поверженную в прах собственным бессилием, добить до конца!

Россия больна. Она лежит в горячечном бреду, а что же делают иностранцы? Германцы заняли Украину и вывозят хлеб и масло, отнимая у нас последний кусок. Ну эти-то враги, мы не можем рассчитывать на снисхождение от тех, кого мы ненавидим...

Англичане хозяйничают на севере и тянут под шумок оттуда лес, а Россия, бедная Россия, она, как тот деревянный турка с кожаной головой, должна сносить удары и врагов и союзников...

Так неужели цепляться за иностранную помощь, неужели Дону и великой России скулить так, чтобы нам помогли извне?

Послушайте, как в песне казачьей поется:

Ты воспой, сирота, песню новую!
– Хорошо песню играть, пообедавши,
А я, сирота, еще не ужинал...
Поутру сироту в допрос повели.
– Ты, скажи, сирота, где ночевал?
Ты скажи, с кем разбой держал?
– У меня, молодца, было три товарища:
Первый товарищ – мой конь вороной,
А другой товарищ – я сам молодой,
А третий товарищ – сабля вострая в руках!..

В этих словах атамана все его *credo*. Россию должна спасти сама Россия – это он понимал твердо. Он гнал всякую мысль о помощи извне, и родной Дон он стремился спасти силами донских казаков. Но он отлично понимал, что спасти Дон – это одна задача, спасти Россию – задача другая. Ко всем иностранцам – будут это союзники или немцы – атаман относился отрицательно. Он твердо верил, что прошли те времена, когда проливали кровь и воевали «pour les beaux yeux de la reine de Prusse»,¹⁶ он знал, что и немцы, и французы, и англичане едут в Россию не для России, а для себя, чтобы урвать с нее что можно, и отлично понимал, что Германии и Франции по взаимно противоположным причинам нужна Россия сильная и могущественная, «единая и неделимая», а Англии, напротив, слабая, раздробленная на части, быть может, федеративная, пожалуй, даже большевистская. И потому Германии и Франции атаман верил, Англии же не верил нисколько. Все стремления атамана были направлены к тому, чтобы независимо от иностранцев поставить Дон на ноги, дать ему все, что нужно для борьбы.

Едва только он получил Таганрог, как сейчас же забрал Русско-Балтийский завод, приспособил его для выделки ружейных и артиллерийских трехдюймовых патронов и достиг к ноябрю 1918 года выделки 300 тысяч ружейных патронов в сутки, он вел переговоры об устройстве своего порохового завода и снаряжательной мастерской. Атаман поставил на работу все ремесленные школы и гордился тем, что вся Донская армия одета с ног до головы в «свое», что она сидит на своих лошадях и на своих седлах. У императора Вильгельма он просил машин, фабрик, чтобы опять-таки как можно скорее освободиться от опеки иностранцев. Его *ориентация* сквозила во всех его речах и на Кругу, и особенно в станицах и войсковых частях. Это была *ориентация русская* – так понятная простому народу и так непонятная русской интеллигенции, которая привыкла всегда кланяться какому-нибудь иностранному кумиру и никак не могла понять, что единый кумир, которому стоит кланяться – это Родина.

¹⁶ «ради прекрасных глаз королевы Пруссии» (франц.)

Добровольческая армия, как армия не народная, а интеллигентская, офицерская, не избежала этого и рядом со знаменем «единой и неделимой» воздвигла алтарь непоколебимой верности союзникам во что бы то ни стало. Эта верность союзникам погубила императора Николая II, она же погубила и Деникина с его Добровольческой армией.

Атаман смотрел на немцев, как на врагов, пришедших мириться с протянутой для мира рукою, и считал, что у них он может *просить*, но когда пришли союзники, то на них он смотрел, как на должников перед Россией и Доном, и считал, что они обязаны вернуть свой долг и с них нужно *требовать*.

Дальше история сношений Войска Донского покажет ярко, какова была ориентация атамана.

В деле обвинения в самостийности вопрос гораздо сложнее. Атаман вступил в управление Войском вскоре после Каледина, которого погубило доверие к крестьянам, знаменитый «паритет». Дон раскололся в это время на два лагеря – казаки и крестьяне. Крестьяне за малым исключением были большевиками. Там, где были крестьянские слободы, восстания против казаков не утихали. Весь север Войска Донского, где крестьяне преобладали над казаками, Таганрогский округ, слободы Орловка и Мартыновка 1-го Донского округа, города Ростов и Таганрог, слобода Батайск были залиты казачьей кровью в борьбе с крестьянами и рабочими. Попытки ставить крестьян в ряды донских полков кончались катастрофой. Крестьяне изменяли казакам, уходили к большевикам и насильно, на муки и смерть, уводили с собою донских офицеров. Война с большевиками на Дону имела уже характер не политической или классовой борьбы, не гражданской войны, а войны народной, национальной. Казаки отстаивали свои казачьи права от *русских*. Атаман, являясь ставленником казаков, не мог с этим не считаться. Он не мог допустить и мысли о каком-либо *паритете*, потому что это погубило бы Дон, погубило бы все дело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.